

Экономический романтизм, или Есть ли в Беларуси экономические убийцы

Сергей
СОЛОДОВНИКОВ,
доктор
экономических
наук, доцент

«Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ», – написал Дж. Перкинс в своей книге «Исповедь экономического убийцы», изданной московским издательством «Претекс» в 2007 году.

Толчком же к написанию данной статьи явилась книга Я. Романчука и Л. Заики «Беларусь 20/20. В лабиринте экономической идентичности» [1], изданная то ли в Минске, то ли в Белгороде (точно определить невозможно, поскольку на обложке указано, что в Минске, а в выходных данных значится Белгород). Именно толчком, или вернее – последней каплей, поскольку количество непрерывно самопровозглашаемых экономических экспертов и аналитиков, в лучшем случае разбирающихся в финансо-

вых аспектах хозяйственной деятельности, а то и попросту в иностранных языках, стало представлять угрозу не только для развития отечественной экономической науки, но и для национальной экономики. Амбициозность представителей «независимого сообщества экспертов», безапелляционность их выводов, зачастую противоречащих реалиям современной экономической теории и практики, по своей абсурдности может соперничать только с их же смелыми «методологическими» обобщениями.

Тем не менее и далее оставлять без внимания непрерывные «сенсационные» заявления представителей «независимого сообщества экспертов» становится все труднее. Надеюсь, что предлагаемая статья позволит не только взглянуть на методологическую базу «виртуального моделирования» реальных экономических процессов в Республике Беларусь, но и раскрыть мнение автора по поводу идеологической подоплеку такого рода теоретических экзерсисов.

Упомянутая книга Я. Романчука и Л. Заики, если ее рассматривать как научную или научно-публицистическую работу, не поддерживает никакой критики и представляет собой некое эклектичное литературное произведение с большим количеством логиче-

ОБ АВТОРЕ

СОЛОДОВНИКОВ Сергей Юрьевич.

Родился в 1960 году. В 1983 году окончил Белгосуниверситет. С 1983 по 1984 год – преподаватель кафедры политэкономии МРТИ, с 1984 по 1991 год работал в Институте экономики АН БССР. С 1991 по 1994 год – генеральный директор, советник по капитальным вложениям и инвестициям малого предприятия «Фридригер». С 1994 по 1997 год – докторант кафедры экономической теории БГЭУ. Работал в Институте экономики НАН Беларуси: старший научный сотрудник, заведующий отделом, руководитель Центра экономической теории. С 2012 года – заведующий кафедрой «Экономика и право» БНТУ. Доктор экономических наук (2005), доцент (2006). Автор около 300 научных трудов, в том числе более 20 монографий. Сфера научных интересов: развитие и управление субъектными экономическими структурами, формирование систем экономических интересов, государственное регулирование экономики, современная политэкономика, внешнеэкономические отношения, институциональная экономика.

ских, фактологических, методологических погрешностей и ошибок. Текст перегружен множеством терминов, вводимых авторами в русский язык путем прямого заимствования из иностранных языков или на основе вульгаризации литературного русского языка, например: «компаративистика», «плюсквамперфект», «упираться рогом», «поддержанты», «дисижнмейкеры», «полисимейкеры», «распорядители чужого», «эндогенизирование идеологических изменений», «стратеговать», «демпферы» и т.д. и т.п. Естественно, что полученные таким образом «понятийные ряды» в принципе не позволяют раскрыть сущность рассматриваемой проблемы, поскольку переводят книгу, претендующую на анализ «теорий и практики системной трансформации, перехода от централизованной плановой экономики к рынку на постсоветском пространстве» [1, с. 2] в разряд непомерно раздутой статьи, восхваляющей рыночную идеологию. Отдельного упоминания заслуживает большое количество содержащихся в работе противоречий. Например: Я. Романчук и Л. Заика пишут: «Не было в Беларуси своих научных школ» [1, с. 90] и тут же отмечают, что в нашей стране «была и есть марксистская школа. Фундаментальная или новая, неомарксистская, как в ряде стран Европы. К этому близка социальная демократия, вполне успешно развивающая свои подходы к социуму, формулирующая гипотезы и рабочие программы модернизации общества» [1, с. 91].

Возникает естественный вопрос: если эта книга до такой степени безграмотна и эклектична, стоит ли тратить на ее критику время и отвлекать внимание читателя? Ответ на этот вопрос прост: рассматриваемое произведение не является единичным продуктом, а представляет собой достаточно распространенное в современном медийном пространстве явление. Его отличительная особенность – не научное осмысление очень сложной проблемы адаптации Беларуси к современным глобальным цивилизационным трансформациям, а стремление создать некий виртуальный объект (идеальную рыночную экономику), а затем внушить части населения, что это и есть реальная социально-экономическая жизнь, что этот идеальный образ можно быстро реализо-

вать в отдельно взятой стране. И все бы ничего, если бы подобный экономический романтизм оставался достоянием отдельных интеллектуалов, а не использовался в современных общественно-функциональных технологиях, направленных на нелетальное (без физического уничтожения противника) разрушение социальных субъектов, которые сегодня из сферы военно-политического противостояния («цветные» революции, недавние события в Северной Африке и т.д.) естественным образом перешли в сферу политико-экономической конкуренции. К слову сказать, многие экономические романтики конца 1980-х годов, ратовавшие за быстрые рыночные реформы, после обвальная приватизации, по-видимому, совершенно случайно, стали одними из самых богатых людей в Российской Федерации. И неважно, что за последние 20 лет из России было вывезено за границу два триллиона долларов США, а сейчас надо где-то изыскивать деньги на технологическую модернизацию страны.

В данном контексте книгу Я. Романчука и Л. Заики можно рассматривать в качестве своего рода иллюстрации применительно к проблеме теоретического осмысления экономической идентификации современного белорусского общества.

Начнем с истории вопроса. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века в отечественной науке значительно снизился интерес к исследованию фундаментальных, основополагающих категорий. Это породило в белорусской экономической теории засилье «мелкотемья», у многих, в том числе безусловно талантливых и грамотных ученых, возникло стремление изучать очень мелкие детали огромного здания, именуемого «экономической системой общества», даже не задаваясь вопросами: как устроено здание в целом? каковы принципы его работы? что надо сделать, чтобы планируемые преобразования усиливали жизнеспособность социума? Некоторые ученые-экономисты, а вслед за ними ряд представителей СМИ и отдельные политики предлагали на веру принимать утверждения о необходимости механически заимствовать постулаты западных «экономиксов», безраздельно уповав на свободную конкуренцию. Как следствие, в экономической теории на-

чали появляться работы, исследующие не реальные, а виртуальные социально-экономические отношения. Стали популярными модели экономического роста, ориентированные на рост потребления и вещного накопления без учета необходимости поддержания экологического равновесия, социальной справедливости и устойчивости инновационного развития в целом. Этому были как объективные (резкая смена на рубеже 1980–1990-х годов политической системы общества, сопровождаемая величайшей геополитической катастрофой XX века – развалом Советского Союза и резким снижением уровня жизни населения, разрушением кооперационных связей на постсоветском пространстве и т.д.), так и субъективные причины (невозможность быстрого создания новой экономической теории, которая стала бы альтернативой очевидно не работающей марксистско-ленинской политэкономии).

Говоря о последних годах существования Советского Союза, следует подчеркнуть, что в условиях сложившейся системы социально-экономической дискредитации и дискриминации науки выдвинутый тогдашним руководством СССР курс на ускорение экономического развития страны, которое должно было сопровождаться существенными структурными сдвигами в общественном производстве, был невыполним – не в последнюю очередь именно потому, что М.С. Горбачев, начиная проведение радикальных политэкономических реформ, пытался сделать это не только очень быстро, но и без надлежащей научной проработки.

Естественный результат не заставил себя ждать. В конце 80-х годов прошлого века в СССР проявилась тенденция к ухудшению основных экономических показателей. В 1989 году в целом промышленное производство по стране возросло лишь на 1,7 % против 2,5 % по плану. Недоиспользование производственного потенциала в промышленности в этот период нанесло ущерб государству в размере около 19 млрд советских рублей, а темп прироста производства составил только 1,3 %. В 1990–1991 годах экономическая ситуация в СССР отличалась абсолютным спадом масштабов производства и снижением уровня жизни. Валовой национальный продукт снизился за три

квартала 1991 года на 12 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года; произведенный национальный доход за этот период – на 13 % по сравнению с соответствующим периодом 1990-го (в 1990 году по сравнению с 1989-м отмечалось снижение на 4 %); производительность общественного труда уменьшилась на 12 % по сравнению с тремя кварталами 1990 года (в 1990-м снижение за год по сравнению с 1989-м равнялось 3 %).

Распад СССР, не соответствовавший экономическим интересам большинства населения страны (поскольку это неизбежно вызвало разрушение устоявшейся системы внутрисоюзного разделения и кооперации), тем не менее, был воспринят достаточно большим количеством советских граждан позитивно. Главная субъектная причина этого – резкое снижение социального капитала на уровне общества. Во многом повторилась ситуация 1917–1922 годов, конечно же, не в столь кровавых формах, но так же сопровождаемая сменой собственников. Усиление классовой, национальной борьбы и быстрый (часто криминальный) передел собственности значительно снизили продукционную отдачу экономической системы общества. В Беларуси и других постсоветских странах начинается экономический кризис, который сопровождается значительным абсолютным снижением ВВП на душу населения, отставанием по этому показателю даже от таких стран третьего мира, как Венесуэла, Аргентина и т.д., а также увеличением технологического разрыва с индустриально развитыми государствами. Резко ухудшились социальные и материальные условия жизни людей, у большинства из которых пропала вера в завтрашний день. Естественно, что это не могло не привести к сокращению продолжительности жизни и снижению ее качества.

Усиливающаяся в Беларуси классовая борьба, сопровождаемая массовыми выступлениями рабочего класса, на фоне перманентной деградации экономической системы и «грубых» (неумелых) попыток привнесения в страну рыночных институтов в формах, не соответствующих основным направлениям развития современной цивилизации, белорусской культуре и базовым институтам, привела к разочарованию в

рыночных реформах большинства населения.

Именно об этом периоде Л. Заика и Я. Романчук, обращаясь к той аудитории, на которую рассчитана их книга, написали: «Эта книга нужна не тем, «кому за 30», а более молодым. Дело в том, что большинство просто не знает, а кто-то забыл, какой была страна в 1991 году. Тогда все и начиналось, удивительно и с яркой новизной» [1, с. 74]. Как говорится, комментарии излишни.

Сформировавшееся у большинства населения к 1994 году неприятие либерально-рыночного пути обеспечило избрание первым Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, что предопределило изменения социального и экономического курса страны. Новая экономическая стратегия, осуществление которой началось в Беларуси, заключалась в развитии социально ориентированной модели рыночной экономики, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. Первоначально белорусская экономическая модель в связи с отсутствием необходимой теоретической базы создавалась методом проб и ошибок, что несколько повышало транзакционные издержки. Тем не менее этот путь развития, адекватный сложившейся социально-экономической ситуации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам, обеспечил устойчивый рост отечественной экономики, улучшение ее структуры, повышение доходов большинства населения. Вместе с тем названные позитивные процессы сопровождались усилением уравнилельных тенденций.

Но вернемся к книге Я. Романчука и Л. Заики «Беларусь 20/20. В лабиринте экономической идентичности» как платформе для научной дискуссии по проблемам развития белорусской экономической науки, а также по теории и практике применения рыночных инструментов. Суждения названных авторов о белорусской науке просты и логичны: если мы (Я. Романчук и Л. Заика) не читали и, соответственно, не знаем о разработках белорусских ученых – значит, их нет. Как результат, можно позволять в своей книге оскорблять как отдельных экономи-

стов, так и белорусское научное сообщество в целом. Например, авторы пишут, что в советском плановом хозяйстве нельзя говорить о циклическом развитии [1, с. 38], хотя именно за раскрытие экономических циклов в СССР белорусский экономист И.М. Абрамов, рано ушедший из жизни, получил очень престижную медаль Николая Кондратьева в Австрии.

На сегодняшний день в Беларуси сложились и активно развиваются несколько научных экономических школ и направлений. Между ними ведется активная дискуссия, отражающая широкий спектр взглядов на те или иные экономические явления, на проблемы и границы применения зарубежных экономических концепций в стране. Усилиями этих исследователей Республика Беларусь не выпала из мирового информационного пространства, отечественные экономисты публикуются во многих зарубежных научных изданиях, их книги издаются за рубежом. Естественно, вклад разных ученых в экономическую теорию неодинаков, но это свойственно абсолютно всем научным сообществам. Возьмите любой европейский университет, проанализируйте статьи, написанные его преподавателями и исследователями, и станет очевидно, что прорывных, знаковых идей в них не так уж много.

Достижений у белорусской экономической и в целом общественной науки немало: чтобы в этом убедиться, достаточно почитать книги и статьи хотя бы работников БГЭУ, БГУ, белорусских академиков-обществоведов и т.д. Ни в коем случае не ради саморекламы, а лишь для упрощения задачи приведу собственный пример: мои статьи и книги публикуются и продаются не только на постсоветском пространстве, но и за его пределами, причем среди них есть как аналитические, так и фундаментальные теоретические работы. В частности, в прошлом году в России вышла коллективная монография «Экономика цивилизаций в глобальном измерении» (в соавторстве с академиками РАН А.И. Абалкиным и С.Ю. Глазьевым, академиком НАН Украины В.М. Геецом и другими крупными учеными), где мною был написан раздел «Социальный капитал и конфигурация рыночной системы в Республике Беларусь».

Уже в этом году в Германии увидела свет и поступила в продажу моя персональная книга по современной политической экономике «Институциональные матрицы: феноменологическая природа, персонификация, социальный генезис». При этом мой случай отнюдь не относится к какому-то уникальным или выдающимся, более того, в Беларуси много тех, чьи научные достижения гораздо значительнее. Однако ни одной фундаментальной теоретической работы (хотя бы статьи) ни Я. Романчука, ни Л. Заики ни в белорусских, ни в европейских изданиях мне обнаружить не удалось. Оговорюсь: поскольку я не читаю иероглифы, заранее приношу свои извинения за возможно неполное изучение их научного наследия.

Для всех или почти для всех белорусских независимых экспертов и, к сожалению, для части представителей экономической науки характерно методологически абсурдное противопоставление таких понятий, как план и рынок. Но ведь это не парные категории. Экономика может быть либо плановой, либо хаотичной (саморегулирующейся), либо сочетать в себе компоненты плана и саморегуляции. С другой стороны, хозяйство может быть либо натуральным, либо рыночным. Обмен также

может осуществляться либо натуральным образом, либо с использованием товарно-денежных отношений. Иначе говоря, спрашивать, является ли экономика плановой или рыночной, так же безграмотно, как задавать вопрос, какой стакан: стеклянный или красный?

Разделение всех существующих сегодня научных школ и направлений необходимо проводить не по критерию «план или рынок», а по тому, какие они исследуют объекты: реальные социально-экономические процессы или виртуальные (идеальные) модели. Книга Я. Романчука и Л. Заики, безусловно, относится ко второй группе. Так, названные авторы после полутора сотен страниц противоречивого, но стилистически бойкого текста подводят своеобразный промежуточный итог, из которого следует, что в случае замены действующего правительства Беларуси на «малое, компактное, технократическое правительство, состоящее из десяти человек» [1, с. 143], все автоматически становится великолепным. Тут у любого думающего читателя возникает два вопроса: а почему никто в мире этого еще не сделал? И каков должен быть хозяйственный механизм, чтобы белорусская экономика стала показывать еще большие результаты? К сожалению, ответы на них в названной книге искать бесполезно. Зато в стиле народных сказок Я. Романчук и Л. Заика далее пишут: «Работали бы они слаженно, в жестких рамках бездефицитного бюджета, тратили бы на все госпрограммы и обязательства максимум 25–30 % ВВП, управляли бы максимум 20 % активов страны, а все остальное продали бы белорусам и инвесторам из других стран... Были бы стабильные деньги, дешевые кредиты и предсказуемый обменный курс. Были бы низкие налоги и простая система их сбора. Зарплаты и пенсии платили бы вовремя. Жилье строилось бы за счет частных сбережений и кредитов. Было бы меньше коррупции... И больше было бы товаров, хороших и разных. Цены были бы мировыми, наверняка ниже и уж точно стабильнее. Производительность труда была бы выше, а энергоемкость ниже. И зарплаты как минимум в два раза выше» [1, с. 143–144]. Читаешь этот текст, и не покидает ощущение чего-то очень знакомого, почти забытого. Ведь это

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

АДРЕСА МАГАЗИНОВ И КИОСКОВ «БЕЛСОЮЗПЕЧАТИ» В МИНСКЕ, ГДЕ ПРОДАЕТСЯ ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»:

Автовокзал «Восточный»	Ул. Ленина, 18	Пр. Победителей, 91
Автовокзал «Центральный»	Ул. К. Маркса, 1	Пл. Привокзальная, 3
Аэропорт Минск-2	Ул. К. Маркса, 21	Ул. Притыцкого, 101А
Ул. Богдановича (около станции метро)	Ул. К. Маркса, 38	Пр. Пушкина, 77
Ул. Володарского, 16	Ул. Московская, 16	Ул. Рафиева, 61
Ул. Володарского, 22	Ул. Московская, 17	Ул. Рафиева, 62
Ул. Есенина, 16	Нац. аэропорт Минск	Пр. Рокоссовского, 140
Ул. Жилуновича, 31	Пр. Независимости, 8	Ул. Славинского, 37А
Ул. Жуковского, 5/1	Пр. Независимости, 10	Ул. Советская, 11
Ул. Жуковского, 10А	Пр. Независимости, 19	Ст. метро «Пл. Победы»
Ул. Запорожская, 22	Пр. Независимости, 38	Ст. метро «Пушкинская»
Ул. Кижеватова, 80/1	Пр. Независимости, 44	Ст. метро «Уручье»
Ул. Я. Коласа, 67	Пр. Независимости, 48	Торг. центр «Столица»
Ул. Ленина, 14	Пр. Независимости, 74	Ул. М. Танка, 16
Ул. Ленина, 15	Пр. Независимости, 98	Ул. В. Хоружей, 24/2
	Ул. Некрасова, 35	Бул. Шевченко, 7
	Пр. Партизанский, 56	
	Пр. Победителей, 51/1	

те же гайдари-чубайсо-немцовские обещания, что все будет происходить по-щучьему велению, стоит только осуществить приватизацию.

Непонимание феноменологической природы рынка, наделение его какими-то сверхъестественными свойствами не позволяет многим нашим доморощенным пророкам от экономики уяснить азбучную истину: рынок так же, как, например, молоток, не представляет нечто божественное, а является всего лишь инструментом, придуманным людьми для облегчения их жизни. Если кто-то пытается молотком резать стекло или при помощи рынка решать нерыночные проблемы, глупо пенять на молоток или рынок.

Глобальный институциональный кризис капиталистической экономики, проявившийся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы, отрезвил многих ученых и политиков. В мировом сообществе усиливается понимание необходимости провести ревизию принципов функционирования современных экономических систем, в том числе и по-иному взглянуть на роль социальных факторов в экономике.

Было бы неправильно говорить о том, что ранее такие попытки отечественными и зарубежными обществоведами не предпринимались. Естественно, они были, причем достаточно удачные, но зачастую либо игнорировались научным сообществом, либо заглушались громким хором либералов-рыночников. В связи с этим, по нашему мнению, существует необходимость сделать ряд замечаний, поясняющих наши взгляды на рынок как на один из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, в частности, снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без внеисторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимоувязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социаль-

ным капиталом и формами его капитализации.

Сегодня широко используется понятие рынка как формы хозяйства, рядом с которым располагается неоклассическая экономическая концепция «идеального рынка», подразумевающая, что обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. «В последнем случае рынок предстает как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах, – подчеркивает известный российский экономист В.В. Радаев. – Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции» [2, с. 20–21]. За счет такого методологического приема происходит превращение рынка из реального объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями. Кроме того, в этой модели «социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования» [2, с. 21]. Таким образом, живые люди, индивиды выбрасываются из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Было бы несправедливо утверждать, что ученым-экономистам удалось рассмотреть методологическую ограниченность парадигмы «саморегулирующегося рынка», а значит, и ее теоретическую, историческую (достаточно вспомнить хотя бы, как в эпоху колониальных империй экономические проблемы метрополий решались за счет колоний, когда «невидимая рука рынка» приобретала форму дредноутов и кавалерийских полков) и практическую несостоятельность лишь в конце минувшего столетия. Еще в начале XX века П.Б. Струве сумел показать, что концепция равновесия и анализ равновесных состояний в экономике (один из главных принципов теорий саморегулирующегося рынка) были порождены философией XVII–XVIII веков (Бэкон, Декарт,

Гоббс, Ньютон), а также утвердившимися в экономической науке механистическим мышлением и учением о «естественном законе». По П.Б. Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, равноправного со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее «состояние» [3, с. 6]. Таким образом, классическая политическая экономия (А. Смит, Д. Риккардо) приписывает равновесию значение некой сущности, стоящей над экономическими явлениями и управляющей ими. Отрицая механистический подход к анализу экономических феноменов, П.Б. Струве подчеркивал: «Хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальности, «микроскопической» конкретности случайны в точном смысле этого слова. «Микроскопически» действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью; и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, «сделанные» цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или «равновесию», это единство и эти состояния «равновесия» неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям» [3, с. 12–13]. П.Б. Струве выделил те черты, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия: неполная рациональность экономического поведения, неравномерное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных

цен. В результате проведенного анализа П.Б. Струве удалось доказать теоретико-методологическую несостоятельность маржинализма как механистической и статической концепции, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа.

П.Б. Струве также сумел убедительно показать ограниченность экономикоматематических методов. «Поскольку математическое направление политической экономии, – указывал он, – ударились в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения» [4, с. 45]. Высказываясь по данному поводу, Л.М. Ипполитов, в частности, подчеркивает, что «вопрос заключается не в том, является ли “механический” (включая сюда и “математическое рассуждение”) подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существу экономических явлений, текучей и прерывистой природе “экономической материи”». На этот вопрос Струве отвечает решительно отрицательно [5, с. 20].

П.Б. Струве писал: «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае «индивиды» должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, то есть именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по «признакам» в некие статистически обозримые совокупности» [3, с. 16]. Это может быть осуществлено только с помощью статистических методов. Изъян всех концепций механически-математической политической экономии заключается в том, что в них не усматривается логическая природа эмпирического знания, к области которого относится и политэкономия. Они рассуждают *more geometrico* в области, где плодотворны либо чистая индукция, либо статистический подход.

Если исходить из критериев логичности и аргументированности доводов участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т.д., то доказательств этому предостаточно. Вместе с тем неправомерно сводить все разно-

гласия относительно природы рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые-экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (и у субъектов, которые их контролируют, в свою очередь, есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп и индивидов. Здесь, не суть важно случайно или целенаправленно, возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму». Для нас существеннее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, подрывают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, то есть уменьшают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а следовательно, угрожают экономической безопасности страны.

Вот как в практическом использовании экономико-математического моделирования для обмана политических лидеров и общественности развивающихся стран признается американский топ-менеджер (и по совместительству экономический убийца) Дж. Перкинс: «У Бруно (помощник Дж. Перкинса. – *Прим. авт.*) появилась идея нового подхода к прогнозированию: эконометрическая модель, основанная на учениях русского математика прошлого века А. Маркова. Модель предполагала придание субъективной вероятности прогнозам, касающимся роста некоторых секторов экономики. Она идеально подходила

для обоснования завышенных оценок роста, которые мы так любили показывать в целях получения крупных кредитов. Поэтому Бруно попросил меня посмотреть, как можно использовать эту концепцию.

Я нанял молодого математика из Массачусетского технологического института, доктора Надипурама Прасада, и выделил ему бюджет. Через шесть месяцев он преобразовал метод Маркова для эконометрического моделирования. Затем мы вместе выдали несколько технических статей, представлявших революционный метод Маркова для прогнозирования влияния инфраструктурных инвестиций на экономическое развитие.

Это было именно то, чего нам не хватало: инструмент, научно «доказывавший», что мы приносим большую пользу странам, втягивая их в долговую ловушку, из которой они никогда не смогут выбраться. На самом деле только высококвалифицированный эконометрист, имея уйму времени и денег, мог разобраться во всех сложностях метода Маркова или поставить под сомнение наши выводы. Наши статьи были опубликованы несколькими престижными организациями, мы официально представляли их на конференциях и в университетах в разных странах. Эти статьи – и мы сами – стали широко известны в нашей отрасли» [6, с. 190–191].

В 1960–1970-е годы идеальной рыночной модели, очищенной от каких-либо социальных факторов, был придан фактически универсальный характер. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную схему за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании. Так, например, Г. Беккер заявляет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния» [7, р. 395–396]. Политика также начинает трактоваться с

аналогичных позиций. Принципы, используемые при анализе рыночного обмена, распространяются на все сферы общественной жизни и формируют своего рода рыночную идеологию, подпитываемую духом экономического либерализма. Следствием этого становится возникновение серьезной методологической альтернативы, разделившей по существу всех современных обществоведов на два лагеря. Суть данного разграничения, отмечает В.В. Радаев, заключается в следующем: «Рассматриваем ли мы рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим объектом выступают «реальные» рынки... для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных» [2, с. 22].

Экономические взгляды Я. Романчука и Л. Заики, если судить по их книге, соответствуют первому, «абстрактному» подходу. Так, названные авторы декларируют, что, «несмотря на очевидные экономические, социальные и экологические преимущества парадигмы свободного рынка, данная модель является выбором небольшого количества стран» [1, с. 54]. Начнем с того, что ни теоретически, ни практически до сих пор не доказано экономическое преимущество ни государственной, ни частной собственности. Так что насчет очевидных преимуществ Я. Романчук и Л. Заика явно погорчили. Кроме этого, если имеет место

утверждение, что преимущества очевидны, но не многие спешат ими воспользоваться, то здесь возможны два объяснения: либо высказывание об очевидности преимуществ ложно, либо руководство тех стран, которые не идут по указанному Я. Романчуком и Л. Заикой пути (а это и Великобритания с почти 50-процентной долей государственной собственности, и Франция, и Китай, и еще многие другие), не знает, как управлять страной. Да, действительно, практически все представители политической верхушки, например, Старой Европы считают себя сторонниками концепции свободного рынка. Но давайте представим себе следующую ситуацию: 2008 год, глобальный финансовый кризис. Министр финансов Великобритании приходит в Палату общин, чтобы представить свой план спасения английских банков, и заявляет: «Я сторонник саморегулирующегося рынка. Считаю, что вмешиваться вообще не надо. Рыночный механизм сам исправит ситуацию на финансовом рынке». Интересно, сколько минут после этого наш докладчик будет оставаться на своем посту?

Средний белорус не сможет сегодня, например, сказать, какая из европейских компаний, специализирующихся на авиаперевозках, частная, а какая государственная, и это очень плохо. Пробелы в знании экономических реалий у части населения позволяют манипулировать людьми, подсовывать поверхностные, псевдоаналитические работы.

Уместно подчеркнуть, что современное рыночное хозяйство характеризуется ин-

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 9400 руб., 3 мес. – 28200 руб., 6 мес. – 56400 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 21574 руб., 3 мес. – 64722 руб.,
6 мес. – 129444 руб. (включая НДС).

Продолжается подписка на журнал «Беларуская думка» на II полугодие 2012 года!

СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ – В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ

дустриальным или постиндустриальным технологическим укладом, множеством форм (в том числе и смешанной) собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, порождающего огромное разнообразие исторических форм рыночных институтов. Современный рыночный механизм функционирует в условиях установления относительных равновесия и стабильности посредством экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и с несовершенством рыночного механизма.

Рынок представляет собой специфический уклад хозяйствования, существующий наряду с другими его формами, при котором государство выступает как конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомер, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения. Действуя на началах встроенной автономии, оно создает условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации. Современное рыночное хозяйство, а точнее, современное преимущественно рыночное многоукладное хозяйство представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных институтов, персонифицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия названных субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальным потенциалом и институциональными формами его капитализации.

Уже упоминавшийся выше Дж. Перкинс писал: когда он стал экономическим убий-

цей, то понимал, что ему платят деньги за разрушение в интересах США экономик третьих стран. Следующее за Дж. Перкинсом поколение экономических убийц, по его мнению, в массе своей не понимает этого. Через призму последнего высказывания остановимся еще на одном «аналитическом» выводе Я. Романчука и Л. Заики. Они пишут: «Западная Европа остается самым мирным регионом на планете. Большинство ее стран входит в топ-20 самых миролюбивых государств. Средний показатель ГИМ составляет 1,52 («1» – самая миролюбивая страна, «5» – самая «драчливая»). Вторым регионом по уровню миролюбия является Северная Америка. Канада и США имеют средний индекс 1,71. На третьем месте – Центральная и Восточная Европа, то есть наш регион. Средний индекс стран ЦВЕ составил ровно 2 балла. Самые беспокойные регионы мира – Северная Африка и Ближний Восток, а также Африка района пустыни Сахара. У них средний ГИМ составил соответственно 2,23 и 2,25 пункта. Для сравнения: индекс Беларуси – 2,283, то есть хуже, чем показатель самого беспокойного и драчливого региона мира» [1, с. 167]. Вот уж воистину: не верь глазам своим... Стоит посмотреть любой новостной европейский канал и тут же узнаешь, что миролюбивые американцы и европейцы опять кого-то бомбят «мирными» бомбами и ракетами. Ну а рейтинг миролюбия они сами же и считают.

Было бы несправедливо, по нашему мнению, посвятить всю статью рассмотрению теоретических взглядов только «независимых» экспертов, поскольку и среди представителей «официальной» экономической науки встречается стремление к упрощению сути экономических явлений, ведущее, по нашему мнению, к вредным для страны рекомендациям. Рассмотрим это на примере непрекращающейся дискуссии вокруг путей и механизмов обеспечения инновационного развития страны, о месте и роли в этом процессе отечественной науки. Формат данной статьи не позволяет подробно проанализировать все перипетии этого обсуждения, поэтому остановимся на тех из них, которые иллюстрируют противоположные точки зрения о направлениях развития белорусской науки в контексте формирования

новой социальной парадигмы инновационного развития страны.

Так, например, А.В. Марков в книге «Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации» [8] пишет, что «Весьма перспективным для страны... может стать **экспорт (перенос) научных исследований** (выделено нами. – Прим. авт.) в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании) направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов» [8, с. 220]. Реализация, если оставить без внимания вопрос, что имеет в виду автор под понятием «наиболее продвинутыми», такого подхода, идущего вразрез с глобальными цивилизационными тенденциями, на практике неизбежно приведет к исчезновению в Республике Беларусь многих научных традиций, сокращению экспортного потенциала белорусской науки, а в перспективе к вытеснению к нам из других стран низкоинтеллектуального труда.

Это подтверждается примером США, проводящих политику, противоположную вышеуказанной. В частности, Л.И. Воронцовский, говоря о зарубежной практике формирования национальных механизмов социально-экономического инновационного развития, отмечает: «Если предприятие, действующее на территории США, приобретает научно-исследовательскую или технологическую разработку у другой фирмы-резидента указанного государства, то затраты на ее приобретение полностью вычитаются из федерального налога, который эта фирма платит государству. Если же американская компания-лицензиат работает, например, в Европе или в Азии, то понесенные затраты компенсируются частично. Такой подход способствует тому, что **каждая корпорация, имеющая филиалы в различных странах, все свои научные центры, лаборатории старается переместить на территорию США** (выделено нами. – Прим. авт.). Указанная налоговая политика способствует превращению США в научный центр мирового масштаба по аккумулярованию в стране интеллектуального потенциала и постепенному вытеснению в другие страны низкоинтеллектуального труда» [9, с. 106–107].

Академик П.Г. Никитенко подчеркивает: «Реалии XXI века таковы, что каждая страна имеет в системе международного экономического разделения труда то место, которое она оказалась в состоянии занять и удержать за собой, используя новейшие достижения научно-технической деятельности. Беларусь в состоянии ставить перед собой самые высокие задачи, не довольствуясь положением чьего-то сырьевого придатка или всего лишь страны-фабрики, тиражирующей стандартные промышленные продукты на основе покупки чужих лицензий» [10, с. 122].

Председатель Сибирского отделения РАН академик А.Л. Асеев категорически заявляет: «Отказ от фундаментальных исследований – глубочайшее заблуждение. Достаточно вспомнить, что одной из причин поражения Германии во Второй мировой войне стало то, что в 30-е годы национал-социалисты, придя к власти, решили: фундаментальная наука не нужна, незачем на нее деньги тратить. ...И Германия в области фундаментальных исследований допустила такое отставание, что до сих пор пользуется трудом зарубежных ученых, в том числе российских» [11, с. 18].

В свою бытность Председателем Президиума Национальной академии наук Беларуси М.В. Мясникович отмечал: «То, что вкладываемые в науку средства в перспективе окупаются многократно, общеизвестно» [12]. И далее: «То есть, если мы, как страна, хотим иметь достойное и суверенное будущее, в основу своего развития мы должны поставить знания, развитие своего научно-технического потенциала. Поэтому с самого начала одной из стратегических задач Президента Республики Беларусь, правительства нашей страны всегда было сохранение и развитие как фундаментальной, так и прикладной науки» [12].

А в ряде случаев в зависимости от целей, которые ставит перед собой исследователь, разнятся и оценки белорусского научного потенциала. Так, например, А.В. Марков в уже упоминаемой работе дал такую категорическую оценку белорусского научного потенциала: «Сегодня почти половина финансовых ресурсов, выделяемых из республиканского бюджета на развитие науки в Беларуси, распределяется через **научно-**

технические программы и проекты. Однако их эффективность при этом недостаточно высока» (выделено нами. – *Прим. авт.*) [8, с. 221]. В статье же А. Юрина, вышедшей примерно в то же время, что и книга А.В. Маркова, оценка научно-технических программ уже другая: «Так, в рамках государственных научно-технических программ объем внедренных научных разработок за последние три года вырос в 5,3 раза (выделено нами. – *Прим. авт.*). В прошлом году (в 2003. – *Прим. авт.*) по результатам выполнения ГНТП было выпущено товарной продукции на 475 млн долларов (для сравнения: базовое бюджетное финансирование белорусской науки в 2003 году составило 80 млн долларов)» [13].

В современном обществе активно развивается новая форма межстрановой и межфирменной конкуренции, определяемая большинством специалистов как информационное оружие, направленное на разборку или сборку социального субъекта. Не перегружая читателя техническими деталями применения этого оружия, отмечу, что оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционные СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.), позволяя оказывать на социальный субъект влияние, которое приводит к блокированию его социальных действий (социальной активности). Оно также дает возможность эффективно перераспределять материальные ресурсы (изменять отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. При практическом применении информационного оружия создается некая виртуальная (идеальная) конструкция, воспринимаемая людьми как реальная. В результате, дезориентированная часть населения начинает действовать не в целях реализации своих интересов, а в направлении, указываемом ими субъектом, который сумел успешно применить против них такое оружие.

Со стопроцентной вероятностью ответить на вопрос, есть ли в Беларуси экономические убийцы, я не могу. Вместе с тем можно несколько не сомневаться, что они (ЭУ) действуют против нашей страны. Естествен-

но, нельзя во всех наших экономических проблемах видеть чью-то злую внешнюю волю. Однако нетрудно заметить, что когда названные проблемы обостряются, это всегда сопровождается активизацией внешнего политико-экономического давления на нашу страну и категорически негативными оценками социально-экономического развития Республики Беларусь со стороны «независимого экспертного сообщества». Что в этом непрерывно повторяющемся явлении первично, а что вторично, иногда понять невозможно.

Белорусским гражданам предстоит самим строить свое будущее, самим решать свои проблемы и достигать новых вершин, но в любом случае нами всегда будет ощущаться внешнее недружественное информационное воздействие. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук, Я., Заика, Л. Беларусь 20/20. В лабиринте экономической идентичности // Я. Романчук, Л. Заика. – Белгород: ОАО «Белгородская полиграфия», 2011.
2. Радаев, В.В. Социология рынков: к формированию нового направления / В.В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Струве, П.Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1.
4. Струве, П.Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу / П.Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1).
5. Ипполитов, Л.М. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л.М. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4.
6. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс. – М.: Претекст, 2007.
7. Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101.
8. Марков, А.В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А.В. Марков. – Минск: Право и экономика, 2005.
9. Воронцов, Л. Интеллектуальной собственностью нужно управлять / Л. Воронцов // Беларуская думка. – 2001. – № 8. – С. 104–113.
10. Никитенко, П.Г., Солодовников, С.Ю. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь и перспективы белорусско-молдавского сотрудничества / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений: Междунар. научно-практ. конф. – Кишинев, 2008. – С. 117–135.
11. Асеев, А.Л. Без науки у России нет будущего / А.Л. Асеев // ЭКО. – 2010. – № 1.
12. Мясникович, М.В. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе / М.В. Мясникович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.soyuzgos.ru/2008/22/22_07_Mjasnikovich.html. – Дата доступа: 22.07.2012.
13. Юрин, А. Запустили конвейер / А. Юрин // Поиск. – 2004. – 28 мая.